

Л. В. Савельева

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРВОГО СЛАВЯНСКОГО ОРИГИНАЛЬНОГО ТЕКСТА (В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ)

Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, Республика Карелия,
Петрозаводск, пр. Ленина, 33

В представленной статье азбучный именован из 27 начальных буквенных имен старшей глаголицы рассматривается как первый оригинальный славянский текст, созданный великим миссионером Константином-Философом (Кириллом).

Система доказательств автора основывается на изучении различных аспектов азбуки (лексико-этимологического, фонетического, морфологического, синтаксического, структурно-поэтического, историко-культурного) и обнаруживает глубокий сакральный и поэтический смысл «напутственного слова» его создателя, написанного в традициях византийской гомилетики и гимнографии. Библиогр. 22 назв.

Ключевые слова: глаголица, азбука Константина-Философа (Кирилла), диграф, акростих, пятистишие, традиции византийской гомилетики, традиции гимнографии.

TO THE DISPUTABLE PROBLEM OF THE FIRST ORIGINAL SLAVONIC TEXT (IN COURSE OF DISCUSSION)

L. V. Savelyeva

Petrozavodsk State University, 33, pr. Lenina, 185910, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation

The article “To the Disputable Problem of the First Original Slavonic Text (in Course of Discussion)” treats the names of 27 the initial letters of the oldest Glagolitic alphabet as the first original Slavonic text created by the great missionary Konstantin-Philosopher (St. Cyril). The author’s system of the arguments is based on study of different aspects of “azbuka” (lexicoetymological, phonetic, morphological, syntactical, poetic, historic-cultural) and demonstrates a deep holy and poetic sense of “parting words” of their creator which had written them in the traditions of Byzantine homily and hymn-script. Refs 22.

Keywords: Glagolic alphabet, azbuka of Konstantin-Philosopher (Ciril), digraph, acrostic, five-line verse, the traditions of Byzantine homily and hymn-script.

Долгое время первым славянским оригинальным текстом специалистами признавался разрушенный акростих «Азбучной молитвы» Константина Преславского. Однако работы палеославистов К. Куева и Э. Г. Зыкова, текстологически изучавших эту популярную в средние века молитву, доказали необоснованность такой ранней атрибуции [2; 5]. Что же касается предполагаемого жанра молитвы, то в серии публикаций [7–14 и др.] нами, в частности, была показана очевидная некорректность этого мнения, объясняющего одно неизвестное (принцип и смысл азбучных имен) через другое неизвестное (предполагаемую молитву Константина Философа).

Попытки осмысления древнейшего славянского азбучного именника как первого сакрального текста при всей своей правомерности предпринимались с явными отступлениями от уже признанных номинативных словоформ и даже с непониманием форм «словенского» языка IX в. (Н. Ф. Грамматин, К. Эрикссон, Фр. Винке)¹.

¹ Наиболее серьезный опыт реконструкции связного текста, предпринятый в новое время К. Ericsson [20], логично ограничивается азбучным именованом в объеме глаголической цифири, но подмена 12 из 27 букв азбуки субъективно подобранными словоформами делает ее более чем гипотетичной.

Признавая справедливость и логичность большинства замечаний и рассуждений в обзорной статье Татьяны Аполлоновны Ивановой по проблемам глаголицы [4], хотелось бы обратить внимание на излишнее недоверие автора ко всем новейшим исследованиям, в том числе и к нашей интерпретации именника глаголической азбуки как текста, хотя на этот раз и более осторожное, чем в предыдущей статье [3]. В ней Т. А. Иванова подчеркивала свою «профанность», видимо имея в виду скептическое отношение к нашему учету богословской позиции Константина-Философа.

Конечно, вряд ли можно относиться серьезно к целому потоку непрофессиональных публикаций относительно славянской азбуки в новое время, тем более в популярных газетах и изданиях ненаучного характера. Однако перечеркнуть мотивацию синтагматической цепочки азбучного именованного не очень просто. Наше прочтение базировалось на сопоставительном изучении древних текстов греко-славянских билингвов (в том числе «Слов» Иоанна Златоуста, «Изборника Святослава» 1076 г., «Жития Нифонта», «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия), предпринятом в ходе тщательного анализа техники перевода **синтаксических** отрицательных структур, а потому грамматическая связь азбучных имен, во многом унаследовавшая греческий синтаксический строй, а также поэтика текста и обратили на себя внимание. Это прежде всего 1) порядок слов, 2) смысловое согласование в числе предиката с аппеллятивом, имеющим собирательное значение, 3) родительный отложительный, 4) вариативность падежа прямого объекта (*боукъвь* — *боуки*), 5) отбор аппеллятивов и императивных форм как актуализаторов молитвословного стиха, 6) тяготение к 11–12-сложнику с обычным для византийской гимнографии использованием акростиха и 7) обязательная для средневековья эстетика невидимого, иррационального, тайного.

В дискуссии о первом оригинальном связанном славянском тексте, представленном азбучным именованном, ссылки на осторожные предположения и сомнения отдельных авторов по поводу некоторых звеньев азбуки, как нам представляется, все же не могут считаться достаточным аргументом. Без объективных исторических данных, имеющих вполне допустимую интерпретацию, конечно, для нас была бы абсолютно невозможна реконструкция букв старшей глаголицы. Так, например, с точки зрения уважаемого оппонента, самым уязвимым местом в нашей реконструкции цепочки буквенных имен является наименование *укъ* [u] (и соответствующий букве диграф) [4, с. 93], которое, по мнению ряда исследователей, изначально присутствует в глаголице только как *икъ*.

Однако диграф засвидетельствован списком сказания «О письменах» Храбра, отражающим очень древний вариант глаголицы, которая, как пишет ее известный комментатор Б. Н. Флоря, «с серьезным основанием может быть возведена к IX веку» [18, с. 182]. Диграф также зафиксирован на 22-м месте в Мюнхенском абецедари [1, с. 202]. Да, в *Abecedarium bulgaricum* на этом месте стоит *hic*, но этой букве соответствует (об этом почему-то умалчивалось) глаголическая графема с фонетическим значением [i] (см. [19, с. 135])! А как быть с акрофоническим принципом наименования букв любого алфавита вообще и остальных букв данного алфавита в частности? Как быть с наличием этого диграфа в названии второй буквы глаголицы, вошедшей в имя самой азбуки? Как быть с признанием чтения этой буквы международным коллективом авторов Старославянского словаря, а также с мнением авторитетного этимолога М. Фасмера, который понимал название буквы *оукъ* как «доктрина»?

Кроме того, с культурно-исторических позиций IX в. наименование буквы должно предшествовать выбору диграфа. Поскольку исходность слова-логоса для христианского миссионера была безусловной, то предполагать создание графем первичным, а именованье букв вторичным было бы антиисторично. А ведь это еще далеко не все соображения по поводу данного звена в синтагматике текста.

Аналогично обстоит дело и с замечаниями по поводу *дръвь* (*гервь*). Эта буква нами опущена, так как в ней не было необходимости в доморавский период работы Константина над азбукой, поскольку в языке славян Солуни отсутствовал мягкий заднеязычный. Кроме того, ни *Abecenarium bulgaricum*, ни Московский список сочинения Храбра не содержат этой графемы. Предположения о том, что кириллическая буква *Л* является у Храбра транслитерацией данной глаголической графемы, остаются всего лишь одной из гипотез [18, с. 182].

Ни одно из буквенных имен не рассматривается нами без опоры на известные источники и показания словарей. Т. А. Иванова возражает против прочтения *боукы* как формы единственного числа и перевода ее как «грамота», предпочитая видеть здесь исконную форму *pluralia tantum*. Но единственному факту написания *bukobi* из *Abecenarium bulgaricum* противостоят другие доводы, в том числе: наименование этой буквы в сочинении Храбра, показания Московского списка Жития Кирилла, производная основа употребленного Храбром слова *боукаръ* («грамотей»), атрибутируемое Кириллу в его «Житии», наименование глаголицы *азбуока* (*ы*), а не *азбоукъвь*, данные исторических словарей, не говоря уж об исконно существовавшем и победившем звене традиционного именованья. Кроме того, не исключено, что написание *bukobi* из *Abecenarium bulgaricum* отражает основной вариант винительного падежа этого слова.

Как нам представляется, совпадение логических выводов по всем аспектам изучения азбучного именованья вряд ли могло оказаться случайным. Ведь предложенная нами аргументация прочтения азбучного текста носит систематизированный характер, так как анализируются доказательства:

1) **лексико-этимологические** (прежде всего, рассмотренные гапаксы именованья: *иже* в противительном значении, *тврѣдо* «непреложно», а также *оукъ*, *фертъ*, *хѣръ*, *ци* — легко объяснимы как неполной фиксацией письменной речевой практики славян в дошедших памятниках, так и обычным процентным отношением гапаксов к употребительной лексике в древних рукописях [16], а тем более в первом оригинальном тексте с заимствованными индивидуальными новообразованиями);

2) **историко-фонетические** (ненужность в доморавском «словенском языке» буквы для обозначения мягкого звонкого заднеязычного, отсутствие переднерядного [u], ограничение мягкого глухого заднеязычного [ch'] и фрикативного [f] заимствованиями);

3) **морфологические** (выдержанная закономерность числовых, падежных, родовых, глагольных форм);

4) **синтаксические** (см. рассмотренные вначале);

5) **структурно-поэтические**;

6) **историко-культурные** (о которых — ниже).

Если не признавать синтагматику звеньев азбучной цепи до *чървь* включительно, то остаются нелогичными или даже противоречивыми многие факты.

1. Все словоформы азбуки (*естъ, глаголи, живѣте, мыслите, нашъ, онъ, покои, слово, тврѣдо* и пр., включая *фертъ*, согласованный с *оукъ*) и служебные части речи (включая союзы *иже, ци* и предлог *от*) в качестве буквенных имен славянской азбуки функционируют мотивированно и последовательно, т.е. в тексте, а не только в спорадически возникающих разрозненных словосочетаниях.

2. В азбучном именованном побудительные лексемы *глаголи, рѣци, живѣте, мыслите*² могут быть адресованы только человеку. Поэтому перед нами не разрушенная молитва (т.е. обращение к Богу), как это считалось раньше традиционно, и не случайный ряд «трехактовых изречений», придуманных «для мнемотехнических целей» то ли самим Кириллом, то ли его учениками или школярами³, а обращение создателя азбуки (притом типичным молитвословным стихом) к христианским неопитам.

3. Отрицается явная, не замеченная ранее лексическая, синтаксическая и логико-поэтическая связность буквенных имен *живѣте съло земля*, т.е. *живи совершенно, земля*. Именно она говорит о непрекращающейся смысловой связи звеньев единого текста по крайней мере до *иже*, а в ней четко прослеживается евангельская, «хайретическая» радость «благой вести» от Константина Философа.

4. В рамках логики целого «благовествование» Константина не согласуется с утратой духовного подтекста и эмоционального накала, а также с выбором невыразительных самих по себе трехчленов *Како людие мыслите* (синтагма Т. А. Ивановой «*Как вы, люди, думаете*», с порядком слов, явно нарушающим традиции молитвословного стиха) и *Рѣци слово тврѣдо* (ср. неприемлемое для миссионерской азбуки десакрализованное толкование В. И. Даля: *Будь крепок в слове*). Здесь уместно заметить, что миссионерский характер глаголицы к настоящему времени уже достаточно глубоко аргументирован [6]. Кроме того, название *глаголица* даже по производящей основе должно было включать в себя сакральный смысл, поскольку *глаголати* осеялось в древнейших текстах титлом, если не относилось, например, к фарисеям (см. также показания Старославянского словаря о значениях производящего глагола).

5. При уже утвердившейся десятичной системе счета представляется по меньшей мере странным, что «трехчлены» включают именованное до 300, хотя гораздо логичнее было бы признать текстовую связь буквенных имен протяженной до узлового числа 1000. Именно здесь кончается синтагматическая цепочка буквенных имен, реконструируемая нами.

*Азь буквы вѣдь. Глаголи: Добро естъ!
Живѣте съло, Земля! Иже(и) како?
Людие, мыслите! Нашъ онъ покои.
Рѣци Слово тврѣдо. Укъ фертъ (грецизм. — Л. С.):
Хѣр(овим)ъ отъ не[чали?] ци чрвь*

В переводе:

*Я грамоту познаю. Говори: Добро существует!
Живи совершенно, Земля! Но как?
Люди, размышляйте! У нас потусторонний покой.*

² Сомнения Т. А. Ивановой в значении омонимичной глагольной формы, в частности, снимаются вост.-слав. чтением этой буквы как «мыслѣте».

³ О вторичности мнемотехнического характера буквенных имен «во весь голос» говорят и все несубстантивные азбучные названия.

Проповедуй Слово истинное! Учение избирательно:
Херувим, — отрешением (гипотетически: печали. — Л. С.), — или червь.

6. Мнимая случайность пятистишия азбуки опровергается как типичной длинной молитвословного византийского стиха и очень показательного для нас стиха «Прогласа», атрибутируемого самому Константину, так и наличием особо значимых позиций в начале строк, т. е. чтением вертикального акростиха из начальных лексем пятистрочия [*Азь подобен Богу*]. *Живь те*⁴, *людие! Рьци хьр(овим)ь*⁵. Именно незримый акростих (см. не только смысловую сочетаемость, но и соблюдение правил грамматики в употреблении числовой и падежной форм) выступал средневековым проявлением онтологической гармонии в поэтической структуре текста, противоположной хаосу (в традициях византийской гимнографии прежде всего). При этом явная христианская идеограмма *Азь подобенъ Богу* просматривается в обозначении глаголического *аза* крестом; впрочем, здесь гениальным стратегом заложен и другой вариант восприятия — угловой акростих: *Азь буквы въ дѣ*.

Стратегическая установка христианского миссионера, гимнографа и педагога, целиком обусловлена культурно-исторически. Манящая бездонная глубина земного предметного мира, которая просвечивает сквозь конкретную вещественность, — это одно из прозрений философии платонизма, на котором строилась византийско-христианская культура. В частности, им был пронизан Алфавитный акростих Григория Назианзина [22], хорошо известный Константину, и он, будучи блестяще эрудированным византийским гимнографом и философом, не мог не воспринять этого [17; 21]. Отсюда берет начало и авторское высокое ощущение тайны мира букв, магии азбучного стиха. При этом следует учитывать возможность некоторого несовпадения парадигматических концептуальных значений, возникавших по мере углубления в христианскую культуру, с отдельными контекстными значениями предельно лаконичного текста (например, в истории буквы *иже*, отраженной в наших прежних публикациях).

Учитывая вышеизложенное, а также сомнения моего глубокоуважаемого оппонента в понимании «простой чадью» заимствованных названий букв, заметим, что трепетное отношение к буквенной магии обязательно закладывалось в восприятие каждого неопфита, а потому у первоучителя не было, да и не могло быть принципиальной установки на то, чтобы каждое звено азбучного текста, а тем более и поэтический смысл более высокого уровня — акростиха — были прозрачно ясны «всем тем, кому предназначалась азбука» [3, с. 6].

На первый взгляд перед нами обычная научная полемика, хотя и с высокоавторитетным ученым, к глубокому прискорбию уже ушедшим из жизни. Но автором этой статьи руководит совсем не полемический задор: просвещенные потомки (и особенно те из них, которые в настоящее время даже **тяготятся** спецификой первоэлементов славянской культуры) должны прочувствовать и оценить **глубину оригинального замысла** первоучителя славян — дать уже в азбучном именованном программирующую микромодель письменной славянской культуры по образцу ви-

⁴ *Живь те* употреблено не просто в бытийном или биологическом значении, оно значит «живите нравственно» (см. фиксацию этого значения глагола в [15, с. 223]).

⁵ *Хьр(овим)ь* — как обобщающий символ византийской духовной поэзии, передающий духовное, вечное, серафическое начало, противостоящее началу плотскому, тленному, преходящему (*чрьвь*).

зантийско-христианской. Отсюда в его напутственном слове прослеживаются традиции гомилетики и гимнографии: ведь «мерцающий огонь Божественной истины» в рамках всей азбуки, вкупе с ее неговорящими именами и акростихом, создает, согласно духу Средневековья, органическое единство рационального и иррационального, **необходимо заложенное** в фундамент византийско-славянской межкультурной коммуникации. И это в той же мере, как и прочный сплав образованности со стремлением личности к идеалу в задуманном первоучителем славян процессе просветительства.

Осознание вышесказанного особенно важно сейчас, так как именно изучение типологии культур во всем мире и их сбережение должно противостоять масскультурной глобализации и стандартизации целых народов.

Литература

1. Александров Иван. Българското писмо и средновековият изток. София: Народна просвета, 1986. С. 202.
2. Зыков Э. Г. Судьба Азбучной молитвы в древнерусской письменности // ТОДРЛ. 1971. Т. XXVI. С. 177–191.
3. Иванова Т. А. О новой интерпретации славянского азбучного именника как текста. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999 (серия «Научные доклады»). 8 с.
4. Иванова Т. А. Глаголица: новые гипотезы (несколько критических замечаний по поводу новых исследований о первой славянской азбуке) // ТОДРЛ. 2004. Т. LVI. С. 81–93.
5. Куев К. М. Азбучна молитва в славянските литератури. София: Издательство на Българската Академия на науките, 1974. С. 32–33.
6. Прохоров Г. М. Глаголица среди миссионерских азбук // ТОДРЛ. 1992. Т. 45. С. 178–199.
7. Савельева Л. В. Истоки и загадки нашей азбуки // Русская речь. 1994. № 5. С. 64–74.
8. Савельева Л. В. Азбучное слово Константина Философа в языковом, историко-культурном и поэтическом аспектах // Южнославянский филолог. Т. LIII. Београд: Српска АН, 1997. С. 115–133.
9. Савельева Л. В. К синтагматике славянского азбучного именника. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998 (Серия «Научные доклады»). 15 с.
10. Савельева Л. В. Новый комментарий к заметке А. С. Пушкина о славянской азбуке // Духовный труженик: А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб.: Наука, 1999. С. 48–51.
11. Савельева Л. В. Художественная структура азбучного именослова: стратегия дискурса // Традиция и литературный процесс: к 60-летию чл.-кор. РАН Е. К. Ромодановской. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. С. 113–121.
12. Савельева Л. В. Русское слово: конец XX века / предисл. Д. С. Лихачева. СПб.: Логос, 2000. 216 с.
13. Савельева Л. В. Оппозиция «сакральное — светское» в истории азбуки и проблемы современной графики // Межрегиональная конференция славистов. М.: ИСЛ РАН, 2005. С. 329–337.
14. Савельева Л. В. Благая весть от Кирилла // Соотечественники в США. URL: <http://right.karelia.ru/eng/index.php?razdel=articles&page=2009101150> и др.
15. Старославянский словарь: По рукописям X–XI вв. / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1994. С. 223.
16. Творогов О. В. Гапаксы «Слова» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб.: Изд-во ИРЛИ РАН, 1995. Т. 2. С. 12–15.
17. Топоров В. Н. «Проглас» Константина Философа как образец старославянской поэзии // Славянское и балканское языкознание: История литературных языков и письменности. М., 1979. С. 26–44.
18. Флоря Б. Н. Комментарий к сказанию черноризца Храбра «О письменах» // Сказания о начале славянской письменности: памятники средневековой истории Центральной и Восточной Европы. М., 1981. С. 182.
19. Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 3. Графика у славян. СПб., 1911. С. 135.
20. Ericsson K. The Slavonic alphabet as Credo // Das heidnische und christliche Slaventum: Acta II Congressus internationalis historiae Slavicae Salisburgo-Ratisbonensis anno 1967 celebrati. Wiesbaden, 1970. S. 105–120.

21. *Jakobson R. The Slavic Response to Byzantine Poetry // XII congrès des études Byzantines. Rapports VIII. Belgrade; Ochride, 1961. P. 352.*

22. *S. Grigorius Nasiansinus // Patrologiae graecae. 1857. T. 37. P. 909–910.*

Статья поступила в редакцию 21 августа 2014 г.

Контактная информация

Савельева Лидия Владимировна — доктор филологических наук, профессор; savtar@sampo.ru

Savelyeva Lidiya V. — Doctor of Philology, Professor; savtar@sampo.ru